

Белая комната поглотила меня целиком. Оно тянулось бесконечно, стерильный холст, прерываемый лишь простым столом, на котором стояла дымящаяся чашка чая. Мой взгляд зацепился за синюю голографическую панель, на ее поверхности мерцали слова, которые, казалось, пробивались сквозь туман моего замешательства: «Ты умер».

Дрожь пробежала по моей спине, хотя я не мог вспомнить холод смерти. Воспоминания ускользнули от меня, оставив после себя пустоту там, где должно было быть мое прошлое. Мой взгляд упал на фигуру, сидевшую в углу, пожилого мужчину, одетого в простую белую мантию. Он сидел, скрестив ноги, и его взгляд был устремлен на меня с тревожной напряженностью.

Не обращая на него внимания, я вернулся к панели, японская письменность была иностранным языком, который намекал на жизнь, которую я не мог вспомнить. Был ли я когда-то японцем? «Это какая-то дурная шутка?» — спросил я, и мой голос эхом разнесся в огромной пустоте.

Старик заговорил, его голос был нежным рокотом. «Боюсь, что нет, господин Такакура. Вы умерли». Он сделал паузу, словно оценивая мою реакцию. «Я пытался провести тебя через твои воспоминания, чтобы облегчить переход. Кажется, ты принял это».

«Смерть», — повторил я, слово тяжело застряло у меня на языке. «Это произошло раньше, чем ожидалось. Возможно, вмешательство в чужие дела имеет свои последствия». Странное беспокойство поселилось во мне. Мое тело казалось нетронутым, но я ощущал присутствие души, дрейфующей в этом белом пространстве. Было ли это тем, что значит быть мертвым?

— Действительно, — подтвердил старик, словно прочитав мои мысли.

Мои глаза сузились. — Ты только что прочитал мои мысли?

Он усмехнулся сухим, шуршащим звуком. — Боюсь, это привычка. Моя неосторожность привела тебя сюда. Он почесал щеку с сокрушенным выражением лица.

— Ты говоришь, что моя смерть — твоя вина? Детали начали вставать на свои места. Этот старик с его мягким поведением и тревожной осознанностью не был обычным существом. Он был богом, фигурой прямо из тех фантастических легких романов, которые я читал.

— Да, — признался он, слегка поклонившись. «Вы направлялись на церемонию поступления в Токийский университет». Он начал сочинять рассказ о моих последних минутах, историю случайных встреч и непредвиденных трагедий. Дочь могущественной корпорации, преследуемая бандитами, спасенная незнакомцем — мной. Мое вмешательство непреднамеренно привело к моей кончине, смертельному спотыканию на железнодорожных путях.

— Чих, — прошептал я, и в моем голосе прозвучало недоверие. «Я умер от чихания?» Во мне вспыхнул гнев, который быстро сменился волной усталого смирения.

Бог преклонил колени передо мной, выражение его лица было наполнено раскаянием. «Я искренне сожалею об этом. Я приношу свои извинения непосредственно вам. То, что сделано, не может быть отменено». Он остановился, его взгляд был серьезным. «Вот почему я привел тебя сюда, в это пространство, вместо того, чтобы позволить твоей душе перейти прямо в загробную жизнь».

Его искренность тронула меня, и я почувствовала, что смягчаюсь. «По крайней мере, я принимаю твои извинения», — сказал я уже более спокойным голосом. «Я всегда верил в рай, даже если это всего лишь плод нашего воображения. И в ад тоже».

На его лице промелькнуло облегчение. Он снова поклонился, его белая мантия развевалась вокруг него. Белая комната теперь казалась менее стерильной, наполненной бременем моей смертности и неожиданной добротой бога, который привел меня сюда, в это странное промежуточное место.

Голос старика, нежный скрежет в тишине, прорвался сквозь дымку моего замешательства. «Спасибо», — сказал он, его глаза, древние и понимающие, остановились на мне. «Твоя душа более доброжелательна, чем у других, которых я приводил сюда в прошлом».

Дрожь пробежала по моей спине. «Как вы, возможно, догадались, — продолжил он, в его взгляде плясала тень веселья, — я — Бог или, по крайней мере, один из них. Я склоняюсь к нитям жизни и смерти, сужу души по их делам и направь их к месту их вечного покоя — к раю или к аду».

Он сделал паузу, позволяя своим словам осознать себя. «Несчастные случаи, подобные вашей», сказал он, неопределенно жестикулируя, «часто приводят сюда души. В зависимости от их кармы им дается второй шанс на жизнь».

Меня захлестнула волна понимания. Девушка Сайренджи, видная фигура в обществе, ее смерть... все встало на свои места. — Это многое объясняет, — пробормотал я. «Учитывая ее влияние, я, должно быть, сам накопил немалое количество кармы. Я бы не сказал, что я был святым, но я занимал важное положение, пользовался богатством и связями. Просто обидно оставлять все это позади».

На моем лице промелькнула вспышка узнавания. «Имя этой девушки... кажется знакомым...»

Старик усмехнулся, низкий гул, который, казалось, нашел отклик в самом моем существе. «Ваше тело удивительно свободно от греха», — заметил он. «Поступить в один из элитных университетов Японии — немалый подвиг». Он наклонился вперед, его глаза блестели почти хищным любопытством. «Что касается фрагментированных воспоминаний, смерть оказывает огромную нагрузку на разум, заставляя его защищать определенные области. Можно сказать, защитный механизм. Я мог бы, конечно, имплантировать эти воспоминания прямо в вашу душу, но это было бы сродни снова умереть. Готовы ли вы пережить такую судьбу?»

Меня охватила волна неповиновения. «Ха!» Я усмехнулась, встретив его взгляд прямо. «Разве я

похож на человека, которому нравится умирать дважды? Абсолютно нет!»

Его веселье усилилось, с губ сорвался тихий смешок.

<http://tl.rulate.ru/book/105604/4363666>